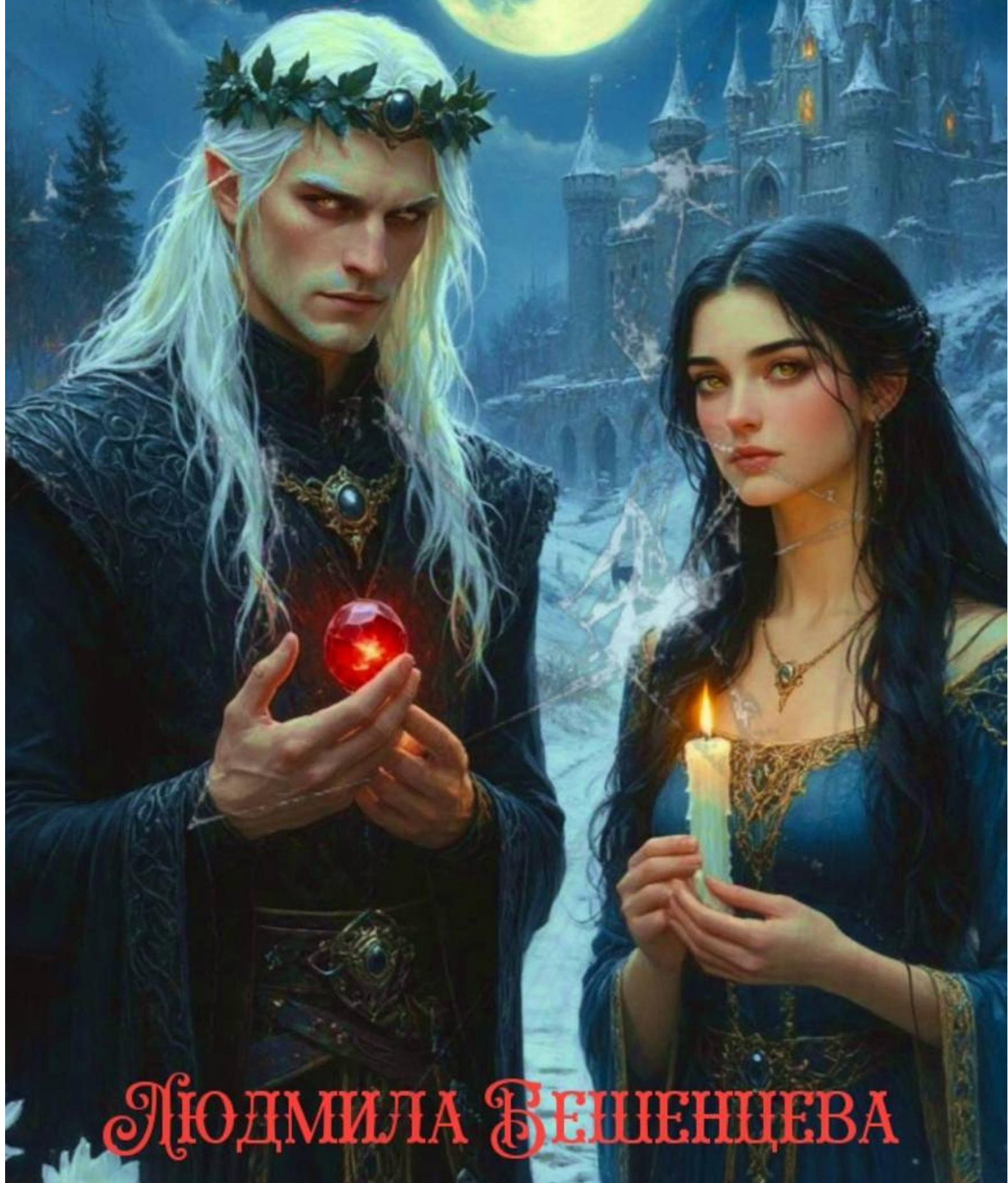

ВЕДЬМИН РОД *Кошечьева Невеста*

ЛЮДМИЛА БЕШЕНЧЕВА

Ведьмин Род

Людмила Бешенцева

Ведьмин Род: Кошечкина Невеста

«Автор»

2026

Бешенцева Л. С.

Ведьмин Род: Кощеева Невеста / Л. С. Бешенцева — «Автор»,
2026 — (Ведьмин Род)

В лесной глуши, под присмотром самой Ядвиги и её верного кота, выросла Варвара — дочь ведьмы и оборотня, медведица с золотыми глазами и сердцем, не ведающим преград. С детства она носит на груди серебряный месяц, что некогда принадлежал Кощею Бессмертному. Игрушку ли, талисман ли — сама судьба вложила его в маленькие ладошки. Варвара расцветает буйным цветом с годами летящими мимоходом. Когда она вновь встречает Кощея — не старца, а статного мужа с белоснежными волосами и холодным взором, — девичье сердце вспыхивает жарче костра. Вот только колдун стар, мудр. Он гонит наваждение прочь, но разве можно убежать от того, что начертано на луне? Пока старые боги шепчут, а Ядвига вспоминает вещий сон, Варвара бросает вызов судьбе. Ей предстоит растопить лёд бессмертного сердца, столкнуться с тёмным колдуном и доказать: настоящая любовь не знает ни возраста, ни страха. И если сам Кощей бежит от неё в ночь — значит, за ним уже мчится не девица, а его неизбежная судьба.

© Бешенцева Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Людмила Бешенцева

Ведьмин Род: Кошечья Невеста

Глава 1

Лес встречал её золотым шёпотом листвы. Трава под ногами стелилась мягче шёлка, а ветер доносил запах мёда, полыни и чего-то далёкого, сказочного — того, что живёт только на грани сна и яви.

Варвара родилась девочкой красивой, да сильно на отца схожей. Самое же главное что Ягушка не ощутила в дочери дар ведьмовской, лишь способность в мелведя обращаться, но это женщину ничуть не растроило. Быстро деточка росла, волосы черные блестящие, глаза золотые как яркое солнышко. Сначала поползла, потом и на ноги встала, а дальше странность произошла. Стащила она месяц серебрянный, что Кошечью принадлежал, и на хранения матери отдан был. Надела, и снять никому не дала, больно Вареньке он по душе пришелся, поэтому с ним на груди и выросла.

Талисман лежал на маленьком сердечке, будто всегда там и был. В лунном свете он тихо мерцал — не холодным, а живым, словно сам выбирал свою хозяйку.

Когда девица еще гадким утенком была, да цветком не расцветшим, пришел к Яге пого-стить Кошечья, принес в подарок фруктов прежде ей не виданных, да самоцветов. Долго путешествовал колдун ликом молодой, да так и не отыскал суженную. Варюша же при виде мужчины замерла поражено, а потом показав пальцем в белоснежную голову сказала.

— Меня в жёны возьми.

Оторопел тогда мужчина, посмеялась Яга с Володаром, да только не кончилась на этом история. Закусила Варя удила, и начала твердить матери, что будет женой Кошечью, хочет того али нет.

Время текло, как речная вода — незаметно, но неумолимо. Варвара росла, и вместе с ней росла в лесу тихая, но крепкая молва: будто бы сама судьба присматривает за этой девчонкой с золотыми глазами.

Быстро годы пролетели, набрала цвета левица, волосы струились угольной волной до бёдер сочных, глаза озорные пылали огня ярче. Характер был дерзким да буйным, как никак медведица молодая. Носилась она по лесу густому, радуясь весне яркой, тогда то и повстречала дядьку Кошечья снова. Омывал он теоса свои в озере неподалеку, в гости видно вновь пришел, там его и застала Варенька. Раскраснелась, спрятавшись облик истинный приняла, но выйти не осмелилась.

Сердце её билось быстро да звонко, даже голову закружило. На глаза от волнения да смущения слёзы навернулись. Кошечья же ощутив присутствие чьё-то гаркнул недовольно.

— Кто там?

Варвара от голоса мурашками покрылась, но смелось в ней жила, да и душа была крепкой, вот и ответила она невинно.

— Друг, а коль увидеть желаешь, кинь накидку к деревьям, да отвернись.

Так и поступил мужчина, ощутив внезапно сильный интерес. Много он на веку своём встречал разных женщин, крал царевен, княгинь, да и деревенских встречал, но впервые так его охватил трепет от голоса незнакомого, нежного но игривого.

Отвернулся мужчина, даже глаза закрыл, пока Варвара накинула расшитый самоцветами халат, подпоясавшись кушаком. Цвет алый только подчеркнул красоту ее яркую да буйную, фигуру точенную, изящную.

Когда обернулся Коща, так и замер от красавицы вышедшей из укрытия, даже как дышать забыл. Восторг по телу его волной пронёсся, сердце дрогнуло. Да столько лет, ожил дух бессмертный и встрепенулся.

— Ну здравствуй, друг дорогой, а теперь замуж возьмешь?

Услышав вопрос сразу молодец узрел иглу свою в полумесяц обращенную и осознание больно его ударило. Перед ним стояла дочь Ядвиги, малышка что на руках качал, ту что ищбегал после слов о денидьбе. Никак он не оидал что расцветет девица красотой неземной. Смугтился колдун старый, насупился, магией одежду себе вернул, и пошел навстречу, возвысившись над ней, улыбнувшись через силу, сказав.

— Юна ты еще Варюшка, чтобы женой мне быть. Пошли к матушке твоей, дело у меня к ней есть.

Девушка умилительно надулась на слова такие, но за мужчиной гусенком пошла, стгорая от стыда за сказанное.

А вскоре после той встречи лес зашумел по-иному — тревожно и радостно одновременно. Собирались гости на совершеннолетие Варвары. Изба Ядвиги гудела, как большой улей, и даже старые берёзы, кажется, принарядились в золото.

Ядвига встретила Кощея улыбкой, да хлебосолом, Володар как раз словил в вечере оленя, которого сейчас и жарили на вертеле. Подавала ведьма старая медовуху сделанную на мёду пчел диких. Знатно проходила гулянка в честь совершеннолетия Варвары, туда же явасилья с Вертом наведались, Гетар да Ведамир в лике лося.

Пламя костра плясало да игралось, выхватывая из толпы то смеющиеся лица, то чью-то украдкой сжатую руку. А над всем этим царил Филентий — рыжий хитрец, который видел куда больше, чем показывал.

Филентий смотрел на этот кутеж, жуя свою порцию, наблюдая за любимой праправнучкой, видя какими глазами она смотрит на Кощея, да и наблюдая как колдун старый нет, да нет, а обращает взор на молодку. Решая немного вмешаться, забираясь на плечо Коще, нашептывая ему коварно.

— Красавицей, Варюшка нага выпосла. Кожа молока белее, глаза как одуванчики полевые, волосы черные как крыло воронье. К ней с деревни уж не один кавалер приходил, знаешь что она отвечала им?

Кощей стесняется вопроса, сам не знает почему, отчего лишь кивает незаметно, присоушиваясь сильнее.

— Отвечает она так: Что отдано сердце ее уже, Кощею бессмертному, и станет она его женой ценой любой.

Мужчина теряется от правды такой, смотрит на девицу уже переодетую в сарафан цвета травы луговой, с васильками яркими синими, на глаза что глядят на него блаженно, и понимает одну простую вещь. Ядвига его точно прибуёт, или в болото вернет под кочками лежать в тине да грязи. Вздых судорожный с губ его срывается, сердце бьется гулко да громко, отворачивается Коща и уходит подальше. Совесть его за живое берет крепко, понимает он бежать надо желательно как можно дальше.

Филентий лишь хмыкнул в усы. Он знал эту игру — бегство только разжигает охоту.

Филений лишь хихикает с увиденного, спрыгивая и спеша уже к Ядвиге, садясь к ней на лавку под бочок, шепча загадочно.

— Хочешь, секрет тебе поведаю?

— Говори уж, Филька, Все равно язык за зубами держать не умеешь. Отвечает Яга, глядя зверя верного, любимого друга, замирая от услышанного.

— Похоже Коща наш, увидел наконец что Варька не шутит, и на него нацелилась всерьёз, а главное, по душе она ему. Что делать будешь, ведьма моя?

Тут даже воздух замер. Ядвига медленно перевела взгляд на дочь — ту самую, что когда-то вцепилась в серебряный месяц и не отпустила.

Ягушка лишь плечами пожала, посмотрев на дочь свою прекрасную, говоря коротко.

—В день когда она кулон себе надела, видела я сон. В нём моя девица любимая стояла об руку с Кошеем на башне замок был, яблонька белая, луна сияюще нежная, доченька моя так счастливо улыбалась, глаз не отвести. Судьба их такая, только им пока не говори, нечего торопить грядущее.

Кот ведьмовской довольно фыркнул, выгнулся дугой и замурлыкал. Поставив себе задачу молодым помочь, чтобы не ждало их на пути этом.

А в это время в другом конце поляны разворачивалась своя драма — тихая, почти беззвучная, оттого ещё более острая.

Варвара в это время вновь рядом оказалось с Кощей, руки коснулась, и обожглась. Так ей тепло стало от прикосновения, так комфортно. Вот только одернул руку мужчина, вина его грызла да совесть. Следом ушел не оглянувшись, ранив юную медведицу взглядом острым, холодностью наигранной.

Резануло это по сердцу невинному, побежала она в лес, медведицей обратилась, несясь под закатным солнцем к хрустальному озеру, где всегда была тишь да гладь.

Озеро приняло её молча. Вода была неподвижна и прозрачна, как слеза, и в ней отражалось небо — высокое, далёкое, полное звёзд, которые ещё не зажглись, но уже ждали своего часа. Варвара опустилась на колени у самой кромки, глядя вглубь, и ветер шептал ей что-то на языке, понятном только зверю да потерянному сердцу.

Глава 2

Как только праздник закончился, а все гости разъехались, и оставшиеся спать разлеглись в доме втором, пустом после переезда родителей в деревню, Кошей подошёл к Ядвиге, усадил её за стол для разговора важного.

К беседе этой и Верт с Васильей присоединились. Зажглась лампада, от чая дымок шёл парной, и в его сизых завитках плясали тени от печных углей. На столе лежал каравай, надкусанный, и горшочек с мёдом — Ядвига без угощения никого не оставляла. Когда все уселись, Кошей заговорил.

— Сама знаешь, Яга, путешествовал я недавно и на своём пути девицу встретил. Волосы седые, глаза холодные. Звать её Ледара, дом её за северным хребтом, и подвластна ей магия морозная. Думал, сдружусь, смогу её злое нутро в русло добро перевести. Сильно ошибся. Украла она у меня осколок камня извечной мерзлоты и теперь ищет вторую его половину. Прости меня, подруга дорогая, что подвёл тебя ненароком.

Голос его дрогнул, и он опустил взгляд в кружку. Задумалась Ядвига, вспомнила записи в дневниках бабушки, найденные в закромах дома родового, и ответила ласково:

— Нет, тут вины твоей, Коша. Да и не всё потеряно. Знаю я: если найдёт она кристалл да восстановит, мир во льду канет. Так что надо вам в путь собираться.

— Кому — нам? — удивился Кошей, а потом замер, когда Варвара зашла в двери.

Яркая, запыхавшаяся, с глазами немного припухшими. Спросила невинно, будто и не знаячи, о чём разговор, хоть сама подслушивала намеренно — приросла ухом к щели ещё с вечера, когда Кошей только шептаться начал. Ядвига посмотрела на дочь, встала, волос коснулась ярких да и молвила уверенно так:

— Ты, Варенька, стала взрослой. Ты теперь леса защитница, царица почти. Вот и идите с Кошеем за кристаллом, изничтожьте его, да и дело с концом. Верт с Васильей с вами пойдут.

— Про меня не забудь, Ягушка. Без меня пропадут они, зуб даю.

Промаякал довольно сытый кот, поменяв бочок на тёплой печи после готовки. Яга при виде этой вальяжности лишь вздохнула, сказав:

— И Фильку возьмите, он кот ведьмовской. Свою службу сослужит.

— Филентий я — воспротивился кот, но когда хозяйка села, пришёл и улёгся к ней на колени, подставив вредную рыжую морду под ласки.

— Маменька, а если не справлюсь? — неуверенно спросила девица, пытаясь не смотреть на Кошею, всё ещё обиду в сердце тая.

— Нет у меня дара твоего ведьмовского, только зубы да когти. Чем я могу помочь колдуну?

Мужчина, видя поведение красавицы, вину чувствовал, поэтому сам ответил за Ягу, говоря смело да открыто:

— Когда я колдую, мне всегда защита нужна. И твой отец Володар часто меня выручал, но теперь он уже не молод. Ты ведь сильнее будешь?

Слыша сомнение в голосе колдуна, Варюшка разозлилась, смотря на противника яростно, почти рыча:

— А ты поди проверить хочешь?

И тут же в груди у неё заворочался медведь — захотелось встать на дыбы и ударить лапой по столу, но она сдержалась, только пальцы в кулак сжала. Кошей же смотрел на её ярость, на то, как зрачки становятся медвежьими, на волосы почти дыбом стоящие — и начал смеяться. По-доброму, ласково глядя на красу. Будто увидел что-то давно знакомое и родное, отчего на душе вдруг светло стало.

Не понимая такой реакции, смутилась Варвара, глаза отвела, получив внезапную помощь от Василии, что встала меж ними, разделяя молодых.

— Значит, завтра подготовимся, а в ночи — в путь дорогу. Сами понимаете, спешить надо. Как, кстати, кристалл этот выглядит и где искать его? — спросила беловолосая змея, глазами алыми прищуриваясь на колдуна с болот.

Он выдержал взгляд подозрительный, помнил, как виноват был. Молвил с досадой даже:

— Алого цвета кристалл оный, а вот где ищут не ведомо мне, но знаю, у кого спросить. Если по воздуху полетим, быстро сможем добраться до Лукоморья.

— Пару дней лёту, — коротко бросил Верт, беря жену и почти силком утаскивая её в предоставленную спальню, поняв, что слишком много медовухи она осилила на вечеру.

За ними и Ядвига ушла, пожелав снов сладких, к мужу любимому спеша под бочок.

В тесной кухоньке у печи они вдвоём остались. Лампада догорала, бросая золотые блики на лица. От печи тянуло жаром, а между ними — холодком отчуждения. Повисло молчание тяжёлое да неловкое.

Варвара от нервов и не заметила, как кулона коснулась, сжимая нежно, согревая в ладони своей. Кошечей же словно почувствовал касание — не будь колдуном, покраснел бы. Однако сейчас он лишь отвернулся, понимая, как влечёт его красавица напротив, как хороша она собой да дерзка характером.

Сердце бессмертное, тысячу лет не знавшее трепета, вдруг забилося чаще — и это пугало пуще любой битвы.

Варенька, видя, как отворачивается милый сердцу, снова расстроилась. Душа у неё глупая, мудрость ещё не обретшая, принимала всё на свою долю. Тихо, беззвучно покинула она кухоньку, прячась в горнице.

На перину пуховую упала, заливаясь слезами горькими, но всё равно трепеща внутри от путешествия грядущего. Не думала девица, что и ей выпадет в жизни шанс спасти мир, а главное — помочь колдуну великому, что каждую ночь ей во сны приходит.

В них он слова ласковые говорит, обещая мир целый, а наяву — молчит и отворачивается. Тяжёлый вздох с губ сорвался, а следом сон одолел красавицу нашу, даря слепую, глупую надежду.

Солнце ещё не взошло, только розовый край неба заглянул в окно, когда Варвару разбудило мурлыканье. Кто-то тяжёлый топтался на перине рядом, наступая мягкими лапами на её плечо.

— Вставай, соня. Всю ночь редела, подушку всю извела. Хорошо, я вовремя пришёл — а то бы утонула в слезах.

Филентий — а это был он, рыжий, наглый и почему-то очень ласковый — ткнулся носом в её щёку. Варвара открыла глаза и увидела кота, сидящего на подушке и смотрящего на неё жёлтыми глазами с непривычным сочувствием.

— Филька — прошептала она охрипшим голосом.

— Филентий, — поправил он, но без обычной вредности. — Слышал я, как ты плакала и про сны твои знаю. Кошечей этот старый ох, дурень. Столько лет живёт, а ума не нажил. Видит, что девица по нему сохнет, — а сам нос воротит.

— Он меня не любит, — тихо сказала Варвара, отворачиваясь к стене.

— Пф-ф-ф, — кот фыркнул так, что занавеска колыхнулась. — Не любит он, как же. Если бы не любил, не смотрел бы на тебя так, будто ты — последний живой огонь в стылой ночи. Я, между прочим, видел, как он вчера руку протянул, чтобы волос твоих коснуться, — и отдёргнул, будто обжёгся.

Варвара резко села:

— Правда?

— Я что, похож на вруна? — кот обиженно задрал хвост.

— Ладно, не похож.

— Слушай, девица. Ты медведица, а не кисейная барышня. Соберись. В поход идём, а там — может, и растает твой ледяной колдун. А не растает — мы его мордой в сугроб. Я помогу.

И он лизнул её в нос шершавым языком. Варвара всё-таки улыбнулась сквозь слёзы.

День закружился суетой. Ядвига командовала у печи: заворачивала в холстину вяленое мясо, сухари, горшочек с мёдом, пригоршню сушёных трав. Володар точил нож для Варвары, хотя она больше на когти рассчитывала.

— Вот тебе, дочка, клубок. Не простой, а путеводный. Как чувствовать будешь, что потерялась, — кинь на землю, он сам дорогу покажет.

Варвара спрятала клубок за пазуху, рядом с серебряным месяцем. Верт и Василья собирались молча. Он — в чёрном плаще, с коротким мечом на поясе. Она — в белом, с длинной косой, в которую вплела защитные ленты. Василья поглядывала на мужа с тревогой, но не показывала виду.

Кощей стоял у двери, спиной ко всем. По его напряжённым плечам можно было понять, что он ждёт момента, когда можно будет уйти от толпы.

Но Варвара чувствовала: он оборачивался. Несколько раз за утро она ловила его быстрый взгляд — и каждый раз он отворачивался первым. Сердце её то замирало, то билось как бешеное.

— Будете слушаться старших, — наставляла Ядвига, поправляя пояс на Варваре.

— Верт, ты за воздух отвечаешь. Василья — за грани. Кощей — чтоб ни одна живая душа не пропала. А ты, девочка моя, — она взяла лицо дочери в ладони, — не прячь своего сердца. Если любишь — покажи. Если боишься — всё равно делай. Проклятья да страхи копить в себе вредно.

— Маменька — Варвара обняла её так крепко, что Яга охнула.

— Иди уже, медведица моя и помни: ты сильнее, чем думаешь.

Кот Филентий запрыгнул на плечо Варваре, оттуда — на голову Кощей, чем вызвал глухое ворчание колдуна. Но бессмертный скинуть круглый пушистый шар не решился — видно, уважал кошачью древность.

На закате вышли во двор. Верт встал в центр, закрыл глаза — и обернулся огромным чёрным вороном, с крыльями, что метелицу поднимали. Василья, улыбнувшись, свернулась белой змеей, блестя чешуёй, и обвилась вокруг вороньей шеи.

— А нам как? — спросила Варвара.

— А мы на облаке, — Кощей махнул рукой, и из-под земли поднялся клочок тумана, закружился, окреп, превратившись в пушистое белое облако с серебряными краями.

— Садись девочка.

Варвара нерешительно ступила — облако оказалось упругим, как перина. Кот Филентий плюхнулся рядом, довольно зажмурился. Кощей встал на край, лицом вперёд, и облако мягко оторвалось от земли. Понеслись над лесом.

Верт кружил рядом, иногда подлетая близко — Василья свешивала змеиную голову, оглядывая равнины. Ветер свистел в ушах, но облако защищало от холода.

Варвара попыталась заговорить с Кощей, но голос унесло ветром. Тогда она просто смотрела на его спину, на белые волосы, развевающиеся ветром, на то, как он напряжённо сжимает край облака и вдруг он обернулся. Их взгляды встретились. В его глазах шевельнулось — что-то тёплое, смятенное, почти испуганное. Она не отвела глаз. Ни через миг, ни через другой.

Кощей дрогнул, шагнул к ней невольно очарованный — и в этот момент облако качнуло, Варвара потеряла равновесие. Он подхватил её за локоть. Ладонь его была ледяной, но Варвара не отдёрнула руку.

— Сядь, — сказал он хрипло. — Долго лететь.

Она села, и он, мгновение поколебавшись, опустился рядом. Не вплотную — на расстоянии вытянутой руки. Но теперь они сидели бок о бок, глядя, как внизу проплывает земля, залитая лунным светом.

— Кошей — начала Варвара.

— Потом, — оборвал он речи сладкие, но мягко. — В Лукоморье поговорим, а сейчас — смотри. Звёзды сегодня яркие.

Она посмотрела на небо и правда, звёзды казались так близко, что можно было рукой достать. Почему-то от этого стало легче. Кот Филентий, свернувшийся клубком у неё на коленях, довольно мурлыкнул:

— Ну вот, уже лучше, а ты боялась.

Варвара погладила его и украдкой посмотрела на Кошею. Он смотрел вперёд, но краешек губ его чуть дрогнул — в улыбке ли, в усмешке? Она не поняла.

Впереди их ждало Лукоморье и неизвестность. Но сейчас, в эту минуту, Варвара чувствовала: самое страшное уже позади. Потому что Коша рядом, а остальное приложится.

Глава 3

Из временного разлома Ведамир вышел первым — копыта его коснулись невидимой тверди, и по ней пошли серебристые круги, будто он ступил на воду. Разлом закрылся за ним бесшумно, оставив в воздухе лишь лёгкое мерцание, похожее на утреннюю дымку. Лось шагал по небу, высоко подняв голову, и ветер играл в его густой шерсти.

Следом за ним, чуть поодаль, плыло небольшое пушистое облако. Сначала на нём было трое: Варвара, Кошей и Филентий. Кот устроился у хозяйки в ногах, свернувшись рыжим клубком, и делал вид, что дремлет. Кошей сидел на краю, глядя вниз. Облако мягко покачивалось, ветер тихо посвистывал в ушах.

Варвара задремала первой — то ли от убаюкивающего полёта, то ли от того, что ночь выдалась бессонной. Сон пришёл тихо, подкрался незаметно, сомкнул веки пуховыми лапами. Ей снилось что-то тёплое и зыбкое — то ли дом, то ли лес, то ли чьи-то золотые глаза, которые смотрели на неё сквозь туман. А может, всё сразу.

Филентий, почувствовав, что хозяйка уснула, приоткрыл один глаз, потом второй. Посмотрел на Кошею. Посмотрел на Варвару. Вздохнул.

— Ну всё, — сказал он тихо, чтобы не разбудить. — Я пошёл.

И, не дожидаясь ответа, переступил с облака на спину Ведамира, который летел рядом. Лось даже ухом не повёл — привык уже к кошачьим выходкам. Кот устроился на могучей холке, свесил лапы и уставился вдаль. За время полёта он успел и подремать, и умыться, и даже поругать ветер за то, что тот путает его усы. Но сейчас молчал — и не потому, что сказать было нечего. Просто чувствовал: на облаке сейчас не место ничьим усам, кроме тех, что уже там остались.

А на облаке остались только двое. Варвара спала, свернувшись калачиком. Чёрные волосы её рассыпались по облачной перине, лицо было безмятежным, дыхание — ровным и тихим. Кошей сидел на краю, на расстоянии вытянутой лапы, и смотрел вниз — не на море, а на неё. Облако послушно несло их вперёд, изредка окутывая спящую лёгким туманом, будто укрывая одеялом.

Василья тем временем сидела на шее у Верта, обхватив его за плечи. Ворон летел неторопливо, расправив огромные крылья, размах которых был поистине царским. Он мог увеличиваться в размерах, когда хотел — сейчас его тело было длиной с добрую лодью, и он нёс жену так же естественно, как нёс её сквозь жизнь уже много лет.

— Хорошо-то как, — сказала Василья, прикрыв глаза. Ветер трепал её белые волосы, и Верт чувствовал, как они щекочут его шею.

— Хорошо, — согласился он. — Ты только держись крепче.

— Я всегда за тебя держусь, ворон ты мой ясный!

А внизу разворачивалась красота неземная.

Открыла Варвара глазаньки — и ахнула.

Первые лучи солнца осветили её лицо, тронули ресницы, заиграли в чёрных волосах, рассыпавшихся по облаку. Варвара зажмурилась на миг, а когда открыла вновь — вдохнуть не смогла. Море простиралось внизу до самого края земли, бескрайнее, живое, только проснувшееся. Оно не было просто синим — оно переливалось цветами, каких она прежде не видывала. Бирюза у самого берега, лазурь подалее, а там, где солнце касалось воды, вспыхивали золотые и розовые искры, будто кто-то рассыпал по волнам драгоценные камни. Волны вставали и опадали медленно, сонно, потягивались, как огромный зверь после долгой спячки.

— Диво дивное... — выдохнула Варвара, и голос её сорвался на шёпот.

Кошей сидел на краю облака и смотрел на неё — на распахнутые глаза, на приоткрытые от изумления губы, на чёрные волосы, которые ветер разметал по плечам. Он молчал. Не потому, что нечего было сказать. Просто боялся разрушить мгновение.

Берег приближался быстро — море под ними мелело, серебрилось, разбивалось о песок первыми робкими волнами. Ведамир пошёл на снижение первым, копыта его коснулись земли мягко, почти невесомо. Филентий, сидевший на холке, сполз по лосиной шее, как по горке, и встал на траву, отряхиваясь.

— Ну вот и добрались, — молвил кот, озираясь по сторонам. — Земля под лапами твёрдая, и на том спасибо.

Следом приземлился Верт. Он уменьшился до своего обычного размера — всё ещё крупного ворона, но уже не чудовищного, — и Василья легко спрыгнула на землю, поправляя платье. Верт тут же оказался рядом, одёрнул съехавшую лямку её котомки, и Василья, привычно улыбнувшись, взяла его за руку.

— Ну как, не укачало? — спросил он.

— Ты же меня нёс, — ответила она. — У тебя на спине даже ветер не качает.

А облако с Варварой и Кошеем опустилось последним. Оно мягко ткнулось в землю, выпустило из себя путников и растаяло, оставив на траве капли утренней росы. Варвара шагнула вперёд, ноги её чуть подкосились — слишком долго спала в неудобной позе. Кошей молча подставил локоть, она оперлась на мгновение, кивнула, отпустила.

Варвара полезла за пазуху, нашарила там узелок, развернула — и на ладонь выкатился небольшой шерстяной клубок, тёплый, чуть светящийся изнутри. Ядвига дала его на прощание, наказала на ушко, шёпотом, еще в избе: «Кинь наземь — сам путь укажет. Только сердцем ему доверяй, не сомневайся». Варвара тогда посмеялась — ну что за диво, клубок как клубок. А теперь, стоя на чужой земле, в Лукоморье, где даже трава как живая была, поняла: не простой это дар.

— Ну что, родимый, — сказала она клубку негромко, — выводи на путь дорожку, нужную.

И кинула его на траву.

Клубок покатился. Не спеша, перебирая шерстяными боками, повёл их между деревьями, по тропинке, которой никто не топтал, но которая была — тёплая, чуть заметная, высланная мхом и прошлогодними листьями. Варвара шла следом, не оглядываясь. Знала: остальные за ней. Кошей — сзади, на расстоянии вытянутой руки. Василья с Вертом — чуть поодаль. Ведамир остался на опушке, не решился ступить дальше, только крикнул вслед:

— Ежели что — зовите. Я услышу.

Лукоморье встретило их тишиной. Не пустой — живой, наполненной шорохами, птичьими голосами, шелестом листвы и чьим-то далёким, едва слышным смехом. Трава здесь была не просто зелёной — она светилась изнутри, будто по жилам её текла не вода, а лунный свет. Цветы, каких Варвара отродясь не видывала, кивали им вслед разноцветными головками, а деревья стояли такие старые, что, казалось, помнили ещё тех, кто ходил по этой земле до людей.

— Место-то какое, — шепнул Филентий, и в голосе его впервые за долгое время не было ворчливости. — Дух захватывает.

— Ты бы ещё прослезился, — усмехнулась Василья, но сама смотрела вокруг с таким же благоговением.

Клубок катился ровно, уверенно. Иногда он останавливался, словно прислушиваясь к чему-то, потом поворачивал и катился дальше. Варвара не торопила. Ядвига наказывала: «Клубок обмануть нельзя. Поторопишь — собьёшь. Иди за ним, как за судьбой, спокойно и смиренно».

Шли долго. Или не очень — здесь время спуталось, перемешалось, потеряло счёт. Солнце висело в одной точке, не двигаясь, но ноги уже гудели, и в горле пересохло. Василья шепнула Варваре на ухо:

— Здесь время по-другому течёт. Я кожей чувю.

— И я чувю, — ответила Варвара, не оборачиваясь.

И вдруг клубок остановился. Подкатился к краю поляны и замер, будто указывая: вот, пришли, дальше я не хозяин. Варвара нагнулась, подняла его, спрятала за пазуху. И подняла голову.

Деревья расступились, словно поклонились.

Поляна открылась неожиданно — широкая, залитая солнечным светом, посреди которой стоял дуб. Не просто дуб — Дуб. Ствол его уходил в небо, теряясь где-то в облаках, а ветви раскинулись так широко, что закрывали полнеба. На ветвях висели не жёлуди, а маленькие колокольчики, которые звенели без ветра, и в этом звоне слышалась то ли песня, то ли плач. А меж ветвей, среди листвы, мелькали чьи-то хвосты — серебряные, рыбы, и раздавался тихий, завораживающий смех.

— Русалки, — тихо сказал Филентий, принохиваясь. — Сказывают, они здесь на ветвях гнёзда выют. Не тронь их — не тронут и тебя.

Варвара подняла голову. Одна из русалок — зеленоволосая, с глазами как два омота — посмотрела на неё сверху, улыбнулась, сверкнула хвостом и спряталась за листвой.

А у подножия дуба, на толстой цепи, ходил кот.

Он был огромен — шерсть его переливалась серебром и золотом, глаза горели жёлтым огнём, а ходил он по цепи туда-сюда, туда-сюда, и цепь под ним не гремела, а пела — басовито, тягуче, как дальняя дорога.

Увидев гостей, кот остановился. Сел. Обернул хвост вокруг лап и посмотрел на них долгим, изучающим взглядом.

— С добрым утром, путники, — молвил он, и голос его звучал как старый, потрескавшийся колокол. — С добрым часом, нежданные. Давненько в Лукоморье гости не хаживали. По какой нужде пожаловали? По зову ли сердца, по велению ли судьбы?

Филентий, до того державшийся позади, вдруг вышел вперёд, усы распушил, голову поднял.

— По делу мы, хозяин, — сказал он твёрдо. — По важному. Дорога нам лежит дальше, да не знаем мы, куда ступить. Сказывают, ты здесь главный, ты и подскажешь.

Кот посмотрел на кота. Серебряный — на рыжего. Огромный — на не очень большого. И тот, и другой молчали долго, а потом Баюн, а это был именно он, усмехнулся краем рта, и в глазах его загорелось что-то тёплое, кошачье.

— Говорящий, — сказал он. — И не просто говорящий — с душой. С характером. Нравишься ты мне, рыжий.

— И ты мне, старый, — ответил Филентий, и в голосе его впервые за долгое время не было ворчливости, а было что-то вроде уважения. — Давно я котов такого породы не встречал. Больно вы тут огромные.

— Место такое, — вздохнул Баюн. — Не разгуляешься если ростом от горшка два вершка. Ладно, проходите, гости дорогие. Устали с дороги, небось. Чайку испейте, отдохните, а там и поговорим.

Он махнул лапой, и в воздухе возникла скатерть-самобранка — с пирогами румяными, мёдом липовым, ягодами лесными и горячим отваром, от которого запахло мятой и сном. Варвара опустилась на траву, усталость вдруг навалилась на плечи, но она не жаловалась. Смотрела на дуб, на кота, на русалок в ветвях — и чувствовала, что время здесь и правда другое. Тягучее, как патока.

Баюн пил чай маленькими глотками, шурился, поглядывал на Варвару. Потом заговорил — не спеша, вкрадчиво, как старый сказочник, который знает тысячи историй и каждую рассказывает только один раз, а второй не повторяет.

— Знаю, зачем пришли, — молвил он. — Чую. Чую беду, что за вами по пятам крадёт. Не сейчас — потом настигнет. Настигнет и не отпустит. Потеряете вы много, путники. Кто — друга, кто — надежду, кто — себя. Всё перемелется, всё изменится, когда пройдёте испытание. Не будет больше прежней жизни. Ни у кого.

Варвара подняла на него глаза. Чёрные волосы упали на лицо, но она не убрала — только спросила тихо, но твёрдо:

— Скажи, дедушка, а пройдем мы? Выдюжим?

Баюн посмотрел на неё. Долго. Серьёзно. На медведицу молодую, в которой течёт кровь и ведьмы, и царя леса. Которая не боится задавать вопросы, даже когда ответ может быть страшным.

— Выдюжишь ты, Варвара, — сказал он наконец. — Потому что некому больше, а вот цену заплатишь — большую. Звериную. Человечью. Всё отмерится.

Кошечей, сидевший чуть поодаль, подобрался, напрягся. Варвара положила руку ему на запястье — легонько, на миг — и убрала. Не нужно ей было, чтобы он встревал. Сама справится. Медведица — не девка хлипкая.

— Так что ж нам делать-то, дедушка? — спросила она. — Как дальше идти?

Кот встал, потянулся, зевнул, показывая клыки — острые, как старые ножи. Потом подошёл к дубу, коснулся лапой ствола, и дерево загудело, запело, зашелестело листвой, будто что-то вспомнило.

— Есть у меня для вас задания, — сказал Баюн. — Опасные, трудные, не для слабых сердец. Одних отправлю за живой водой — она в росах папоротника, что цветёт у Змеевых гор, раз в сто лет. Других — за мёртвой, там колодец за Мглистым мостом, вода в нём тяжела, как горе материнское. Только тогда и сложится карта. Только тогда и сыщете дорогу дальше. Пока, гости дорогие, — отдыхайте. Завтра на рассвете — в путь.

Он обернулся к Филентию, и два кота — старый и очень старый, серебряный и рыжий — посмотрели друг на друга с пониманием, какое бывает только у тех, кто прожил на свете не одну жизнь.

— А ты, рыжий, останься, — сказал Баюн тихо. — Потолкуем. Дело есть.

Филентий кивнул, подошёл, уселся напротив. Баюн налил ему отвару в блюдце, пододвинул лапой.

— Сказывают, ты душу в себе двойную носишь, — молвил он вполголоса, чтобы другие не слышали. — Правда ли?

— Правда, — ответил Филентий, глотнул отвару, облизнулся. — Срослось уж, не разберёшь, где я, где дед Архип.

— Нелегко, поди.

— Привык. — Кот помолчал, добавил тише: — Сначала тяжело было, а теперь — как родные, внучка у над одна, да правнучка.

Баюн усмехнулся, и в глазах его мелькнуло что-то древнее, грустное.

— Редкий дар, — сказал он. — И проклятие. Всё вместе.

— Знаю, — вздохнул Филентий. — Знаю, старый. Так уж вышло.

И они замолчали — два кота под дубом, в Лукоморье, где время текло иначе, а судьба уже раскручивала свой клубок, готовясь бросить путников в самую гущу испытаний.

Варвара сидела на траве, прислонившись спиной к стволу берёзки — не той, что у дуба, а поменьше, поскромнее. Смотрела на дуб, на русалок в ветвях, на цепь, которая пела свою тягучую песню, и думала о своём. О доме, о Ядвиге, о Володаре, об отце. О том, что внутри неё

спит зверь, а она сама — и не ведьма вовсе, а медведица. И, может быть, именно это поможет там, где ведьмовская сила бессильна.

Чуяло её звериное сердце — правду говорит Баюн. Много потеряют. Много изменится. Но другого пути нет.

Кошей сидел рядом, на расстоянии вытянутой руки, и смотрел на неё — чёрные волосы, прямой взгляд, упрямый подбородок. Чувствовал в ней не колдовство, а звериную силу, тёплую, живую, такую непохожую на его холодную пустоту. В белых его глазах впервые за тысячу лет появилось что-то, похожее на надежду.

Или на страх, или на то и другое вместе — не различить.

А над дубом, в ветвях, русалки запели — тихо, печально, о том, что было, и о том, что ещё не случилось. И песня эта разносилась над Лукоморьем, над морем, над лесами, и каждый слышал в ней своё — потерю или обретение, конец или начало.

Варвара закрыла глаза. Слушала.

И выжидала, как дикий зверь перед решающим рывком.

Глава 4

Славно бормотал сказки Баюн. Голос его — то низкий, как дальний гром, то высокий, как звон ручья — лился, переливался, обволакивал. Кот рассказывал о том, как впервые цепь на дубе зазвенела, как русалки на ветви забрались, спасаясь от водяного, как солнце с месяцем в Лукоморье в прятки играли, как дуб корнями держит небо, а ветвями — землю. Сказки его были тягучими, как медовый сбитень, и сладкими, и горькими одновременно.

Варвара слушала, сидя на траве, прислонившись к берёзке. Глаза её слипались. Она попыталась бороться со сном — дёрнула плечом, мотнула головой, но Баюн понизил голос до шёпота, и колдовство его слов опустилось на неё, как пуховое одеяло. Веки стали тяжёлыми, дыхание ровным. Она откинула голову на ствол и заснула.

Ей приснилось озеро. Не простое — зеркальное. Вода в нём была чёрной, как вороново крыло, но гладкой, как отполированный камень. Ни ряби, ни волны. Варвара стояла на берегу босая, трава щекотала ей пятки, пока она смотрела вниз. В отражении, в самой глубине, медленно проступало её лицо — но не то, которое она знала.

Другое.

Огромное, лобастое, с густой шерстью и маленькими глазами, полными древней печали. Медведица. Она сама — её второй облик. Варвара протянула руку к воде, хотела коснуться, спросить. Но отражение дрогнуло. По чёрной глади пошли круги, и медвежья морда стала таять, расплываться, уходить в глубину, исчезать. Варвара хотела закричать: «Постой! Вернись!» — но голоса не было. Она стояла на берегу, смотрела, как утекает её звериная суть, и страх сжимал сердце. А вода всё расходилась кругами, и в последней ряби мелькнуло что-то красное, как кровь на снегу.

Очнулась Варвара от касания. Кто-то тронул её за плечо — бережно, ласково, словно боялся разбудить. Она распахнула глаза и замерла. Рядом на корточках сидел Кощей. Его белые глаза — слепые, но видящие больше, чем положено — смотрели на неё с такой тревогой, какой Варвара ещё ни разу в них не замечала. Его бледная рука всё ещё лежала на её плече, холодная, но не пугающая.

— Пора в путь, — сказал Кощей тихо. И, смутившись своего жесту, убрал руку, отодвинулся. — Кот велел в путь собираться. Солнце уже высоко.

— Коль велел, — Варвара потянулась, прогоняя остатки сна, встала на ноги, отряхнула платье. — Пойдёмте, други добрые, на испытания страшные.

Она оглядела поляну. Василья и Верт уже стояли у дуба, переговаривались вполголоса. Филентий важно восседал на корнях, умывая лапой морду. Баюн, закончив сказку, сидел в тени и смотрел на гостей с ленивым кошачьим любопытством.

Варвара шагнула было к Кощей — хотела встать с ним в пару, как сердцу требовалось, — но в тот же миг чья-то рука перехватила её за локоть. Василья. Змея улыбалась — хитро, по-женски, с прищуром.

— А ну-ка, девонька, — сказала она, — пойдём-ка мы с тобой вдвоём. Пошушукаемся, мудростями девичьими поделимся. Вы же, молодцы красные, уж как-нибудь без нас.

Она обернулась к Варваре, подмигнула, а через плечо бросила мужу:

— Верт, милый, вы с Кощей и Филентием за мёртвой водой ступайте. Мы с Варюшкой — за живой отправимся. Баюн так велел, не мне перечить.

Верт кивнул. В его глазах мелькнуло что-то — не вопрос, даже не тревога, а скорее понимание. Он переглянулся с женой, и в этом взгляде, долгим и тёплым, было столько сказано без слов, что Варвара почувствовала себя лишней. Но Василья уже тащила её за руку прочь с поляны, в ту сторону, куда указывала тропа, уходящая к Змеевым горам.

Кошей остался стоять под дубом. Он смотрел вслед Варваре — на её чёрные волосы, развевающиеся по ветру, на изгиб спины упрямый, на поступь лёгкую девичью. Тоска вдруг кольнула сердца холодного под рёбрами — такая острая, что он даже замер. Потерялся сам в себе. Верт, оказавшийся рядом, положил ему руку на плечо.

— Не бойся, — сказал ворон негромко. — Василья её не обидит. И не даст в обиду.

— Я не боюсь, — ответил Кошей. И сам удивился — потому что боялся. Очень. Только впервые не за себя.

Филентий, до этого умывавшийся, встряхнулся, подошёл, потёрся о ногу Кошея — не от нежности, а скорее по привычке дружеской. Старый кот чуял настроение.

— Идём, — сказал он. — Нам другая дорога. Мёртвая вода сама себя не наберёт. И они двинулись — Верт, Кошей и Филентий — в противоположную сторону, туда, где за Мглистым мостом ждал свой колодец.

Тропа, по которой Василья вела Варвару, вилась между камнями, поросшими мхом. Мох был не зелёным, а серебристым, словно луна выбелила его за ночь. Под ногами хрустели мелкие ракушки: — откуда они здесь, в горах, далеко от моря? — а в воздухе пахло снегом и розами. Странное сочетание, но оно не резало, а, наоборот, успокаивало.

— Ты не спрашиваешь, куда мы идём, — сказала Василья, когда тропа вывела их на каменный карниз.

Внизу, далеко-далеко, шумела невидимая река, а впереди, на горизонте, уже угадывались острые пики Змеевых гор. Они были покрыты не снегом, а чем-то зелёным, что переливалось на солнце, как чешуя.

— Я тебе верю, — ответила Варвара. — Ядвига про тебя много хорошего говорила и Филентий тоже.

— Что говорил? — Василья усмехнулась, поправляя на поясе флягу для воды. — Что я скользкая вредина?

— Что ты верный друг, — сказала Варвара серьёзно. — И что змеинная суть в тебе — не злая, а мудрая и очень древняя. И что дом у вас в другом лесу, далеко отсюда, но вы всё равно пришли помочь без раздумий.

Василья кивнула, и лицо её стало мягче.

— Есть у нас дом, — сказала она. — В глухом лесу, на берегу тихой реки. Верт его из брёвен сложил, крышу дранкой покрыл, внутри печь выложил. Я там травы сушу, зелья варю. Он — стрелы точит, хотя стрелять давно разучился. Просто для души. Но когда Ядвига зовёт — мы бросаем дела и заботы. Потому что она наша хозяйка. А ты — наша новая надежда.

Варвара смутилась, отвернулась.

— Не говори так, — попросила она. — Я ещё ничего не сделала.

— Сделаешь, — твёрдо сказала Василья. — Я в тебя верю.

Они неловко помолчали и пошли дальше, перебираясь через камни. Трава здесь была жёсткой, колючей, а кое-где из трещин выглядывали цветы, похожие на маленькие синие звёзды. Варвара нагнулась, хотела сорвать один, но Василья перехватила её руку.

— Не надо, — тихо сказала она. — Это слезы утопленниц. Они запомнят и обидятся.

Варвара отдернула руку и больше к цветам не тянулась.

— Скажи, — вдруг спросила Варвара, когда тропа сделала крутой поворот, открывая вид на ещё один хребет, — а как вы с Вертом стали парой? Ядвига рассказывала, что вы оба — хранители, что Агидель вас спасла. Но вы же не просто звери? У вас есть душа, чувства. Кто первый полюбил?

Василья засмеялась — звонко, по-девичьи, так что эхо покатило по скалам.

— Я, конечно, — сказала она. — Я его ещё при Агидель заметила. Он тогда весь израненный был, но гордый. Крыло сломанное, а сидит прямо, не стонет. Я к нему подползла — зашипел. «Уйди, говорит, змея подколотная». А я обиделась, уползла. Но смотреть не перестала.

— А он?

— Меня намерено не замечал, — вздохнула Василья. — Или делал вид, что не замечает. Ядвига говорила: «Он стесняется, Василья. Вороны — они такие, пока не привыкнут — молчат», а я не верила. Думала — не любя я ему.

— Кто ж первым шаг навстречу сделал, ты или он? — спросила Варвара с интересом. Василья слегка покраснела, улыбнулась и молвила задорно:

— Так кто ж, ежели не я? Я своё всегда беру, даже если оно брыкается и пытается улететь! Варвара смеялась, и в этом смехе таяла тревога.

— У вас странная любовь с ним, Вертом, — сказала она.

— Самая обычная, — возразила Василья. — Просто честная. Без обмана, а вы с Кошечем так же будете любить, да жить душа в душу. Я вижу.

Варвара покраснела, но спорить не стала.

Вскоре они подошли к широкой расщелине между двумя скалами, похожими на змеиные головы. Из расщелины тянуло влагой и цветочным ароматом — таким сильным, что кружилась голова. Внутри, в глубине, слышался тихий, певучий звон — живая вода пела.

— Пришли, — сказала Василья. — За этими камнями — пещера. В ней цветёт папоротник, и на нём — роса. Живая вода. Я пойду первой.

— Почему ты? — спросила Варвара. — Мне же собирать.

— Потому что я змея, я вижу в темноте, и я уже проходила испытание однажды, а ты — за мной девица да не перечь, и делай, что скажу.

Они вошли. Пещера оказалась не тёмной — стены светились фосфорным светом, прожилки какого-то минерала тянулись по камню, как вены. Под ногами хрустел песок, смешанный с мелкими ракушками. Воздух был густым, сладким, от него кружилась голова.

— Держись за мою руку, — скомандовала Василья. — Здесь есть провалы.

Варвара послушалась. Шли медленно, осторожно. Где-то капала вода, и капли отзвучивались звоном — разным, музыкальным. Казалось, сама пещера играла мелодию. На стенах иногда мелькали тени — не то люди, не то звери, не то духи. Они смотрели, но не трогали.

— Стоп, — вдруг сказала Василья.

Варвара замерла. Впереди, в двух шагах, пол обрывался. Внизу, в темноте, что-то блестело — мокрые камни, острые, как зубы. Там, на глубине, клубился туман, а из него торчали сталактиты, похожие на клыки.

— Видишь? — спросила Василья. — Шаг влево, шаг вправо — и всё конец сказочке. Идём по стеночке, я первая.

Она отпустила руку Варвары, перешагнула через трещину — широко, легко, по-змеиному, — повернулась, протянула ладонь:

— Давай. Только не смотри вниз.

Варвара сделала шаг — и в тот же миг камень под её ногой дрогнул, просел. Край обрыва обломился, и она полетела вниз, в чёрную пасть, где в тумане её ждали острые зубья. Варвара вскрикнуть не успела — только ветер свистнул в ушах, и перед глазами мелькнула темнота. Но Василья успела.

Змея обернулась мгновенно — не полностью, а наполовину: нижняя часть тела стала серебристой, чешуйчатой, мощной, с огромным хвостом, который обвил каменный выступ, врос в него, как корень. А верхняя, человеческая, рванулась вниз, в пропасть, и её рука — длинная, сильная, с хищными когтями — схватила Варвару за запястье. Железной хваткой. Намертво.

Варвара повисла над бездной. Раскачивалась, как маятник. Внизу, под ней, что-то щёлкало — то ли камни падали, то ли само дно открывало пасть.

— Не дёргайся, подруженька. — прошипела Василья. Голос её был чужим — змеиным, древним. — Доверься. Я тебя не брошу.

Она тянула медленно, плавно, по сантиметру. Мышцы на её руках вздулись, лицо покраснело от напряжения, на висках вздулись вены. Хвост, обвивавший выступ, скользил — камень крошился, но держал.

— Тяжелая, — прошептала Василья. — Ох и тяжелая, медведица...

Она подтянула Варвару на локоть, потом ещё. Внизу, в пропасти, что-то глухо ударило — откололся камень, который Варвара задела ногой. Ещё немного — и она на твёрдом полу. Василья, не отпуская её, рухнула рядом, тяжело дыша.

— Жива? — выдохнула змея.

— Руки на месте, ноги тоже, — прошептала Варвара, чувствуя, как дрожат её колени. — Ты ты меня спасла.

— Подумаешь, — отмахнулась Василья, но голос её дрожал. — Я ж тебя не за тем привела, чтобы ты тут кости сложила. Я перед Ядвигой ответ держу, перед твоим отцом.

— Спасибо, — Варвара обняла её. Крепко, по-медвежьи.

Василья сначала напряглась — не привыкла к обниманиям, — а потом расслабилась, даже рукой по спине погладила.

— Знаешь что, — сказала Варвара, отстраняясь и глядя ей в глаза. — Если у меня когда-нибудь родится дочь, я назову её Василисой. В твою честь. Пусть она будет такой же храброй и верной, как ты.

Василья замерла. Её красные глаза расширились, стали влажными.

— Ты серьёзно? — спросила она севшим голосом.

— Клянусь, совестью своей, — ответила Варвара. — Ты заслужила и не только за то, что спасла меня сейчас, а за всё. За то, что служила моей матери, за то, что пришла сюда, за то, что подружкой мне стала верной, не было у меня такой давичи.

Василья долго молчала, потом улыбнулась — широко, по-настоящему, с такой теплотой, что, казалось, даже стены пещеры потеплели.

— Хорошо, — сказала она. — Я тебе тогда мудрость свою подарю. И научу твою Василису пироги печь, да примудростям женским.

Они рассмеялись обе — нервно, облегчённо, со слезами на глазах. Встали, отряхнулись. Пошли дальше — теперь ещё осторожнее. Вскоре пещера расширилась, и девушки вышли в огромный грот.

Посредине, на каменном возвышении, рос папоротник. Не простой — огромный, с листьями, которые светились изнутри золотым светом. На каждом листе висели капли росы — крупные, тяжёлые, переливающиеся всеми цветами радуги.

— Вот она, — прошептала Василья. — Собирай.

Варвара подошла, достала скляницу. Капли сами падали в неё, едва она подносила руку — тёплые, живые, они пульсировали в стекле, как маленькие сердца.

— Спасибо, — сказала Варвара папоротнику. Он качнул листьями в ответ.

Она собрала последнюю каплю, закрыла скляницу и повернулась к Василье.

— Сделано дело не лёгкое.

— Тогда пошли, ещё обратно идти, — кивнула змея. — И помни про обещание.

— Век, не забуду.

Они вышли из пещеры — навстречу солнцу, которое уже клонилось к закату.

Верт, Кощей и Филентий шли в другую сторону — вниз, к западному краю Лукоморья, где лес становился реже, а земля — темнее и сырее. Тропа здесь была не травяной, а глиняной, скользкой от недавнего дождя. Солнце сюда почти не заглядывало, и воздух пах болотом, грибами и чем-то кислым.

— Я уже не люблю это место, — проворчал Филентий, перепрыгивая через лужу. — Шерсть вся мокрая теперь, еще и дыбом стоит. Да и воняет тут как из старого погреба.

— Мёртвая вода не любит живых, — спокойно ответил Верт. — Она отталкивает. Это естественно.

— А ты как себя чувствуешь? — спросил Филентий у Кошечья. — Ты же вроде мёртвый?

— Я — между, — ответил Кошечья. — Не живой, не мёртвый. Может, она меня и подпустит.

Они шли почти молча. Филентий, уставший, влез на спину Верта — тот не возражал. Кошечья шагала рядом, глядя себе под ноги. Он думал о Варваре. О том, как она спала на облаке, как чёрные волосы рассыпались по белой пене, как она тронула его запястье. Просто так или намеренно.

— Ты из каких краёв сам, Кошечья? — вдруг спросил Верт.

— Был человеком, — тихо сказал Кошечья. — Давно. Жил в лесу, строил дом. Потом пришла беда. Я умер в болоте, встал уже другим. Не помню, кто проклял. Может, сам себя.

— Тяжёлая судьба, — заметил Верт.

— Не жалею, — ответил Кошечья. — Всё, что было — быльём поросло. Не надо тревожить прошлое, ворон.

Они подошли к Мглистому мосту. Камни были скользкими, поросшими сизой слизью, а под мостом клубился туман, из которого доносился тяжёлый, надсадный вздох — будто там, внизу, лежал умирающий зверь.

Верт ступил на мост первым — уверенно, по-вороньи. Кошечья — следом. Филентий — сзади, прижав уши.

На той стороне, в небольшом углублении, бил родник. Вода в нём была чёрной — не тёмной, а именно чёрной, как ночь без звёзд. В её глубине, если долго вглядываться, можно было увидеть лица. Мёртвые. Они звали, манили, обещали покой. Верт опустился на колени, достал флягу. Вода текла тяжело, неохотно, но наполнила сосуд до краёв.

Когда он поднял флягу, в руке остался след — чёрный, холодный, который не смывался. И в тот же миг Кошечья, до того стоявший молча, вдруг схватил его за плечо.

— Верт, — сказал Кошечья, и голос его дрогнул. — Стой. Не уходи. Ворон замер. Филентий поднял голову, насторожился.

— Что случилось? — спросил Верт.

Кошечья смотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. Его белые глаза — обычно пустые, как у куклы, — сейчас были полны такой боли, что даже Филентий попятился.

— Я вижу нити, — сказал Кошечья. — Нити судьбы. Они тянутся от каждого из вас, переплетаются, расходятся. Твоя нить, Верт она тонкая. Очень. Как паутина на морозе.

— Ты о чём? — Верт побледнел, но голос его остался ровным.

— Я о том, — Кошечья шагнул ближе, положил руку на грудь ворона, туда, где билось сердце. — Не долго тебе осталось. Я не знаю, когда. Может, завтра. Может, через месяц. Но твоя нить оборвётся. Береги себя. Ради Васильи. Ради того, что у вас будет. Не бросайся под мечи зря. Не умирай раньше времени.

Верт смотрел на него долго — минуту, другую. Потом перевёл взгляд на свою флягу с чёрной водой, на руку, испачканную слизью. И усмехнулся — криво, с горечью.

— Значит, так суждено, — сказал он. — Благодарю, что предупредил. Я не боюсь. Но Василью жалко. Она без меня пропадёт.

— Не пропадёт, — возразил Кошечья. — Она сильная и у неё будет кое кто.

— Кто? — Верт поднял бровь.

— От жены твоей вижу я две нити, так что род ваш не прервётся. И память о тебе останется.

Верт улыбнулся — впервые за весь разговор. Тепло, почти по-человечески. В его чёрных глазах блеснула слеза — или показалось.

— Хорошие новости, теперь и не страшно умирать— сказал он. — Ладно. Идёмте. Дело сделано.

Филентий молчал. Только прижался к ноге Верта, тёплым боком, и так и замер — не отходил, не мяукал. Кот ничего не сказал. Только вздохнул тяжело, по-человечьи.

Они повернули назад. Верт шёл последним, и Кощей заметил, как он прижимает левую руку к груди — там, где сердце. Но ничего не сказал. Не его это дело.

Девушки вернулись раньше. Варвара сидела у корней, прижимая к груди скляницу с живой водой. Василья — рядом, настороженная, то и дело поглядывала в сторону леса.

— Идут, — сказала она наконец. Из темноты вышли трое — Верт, Кощей и Филентий. Ворон был бледен, но флягу с мёртвой водой нёс бережно. Кощей шёл следом, сухой и прямой, как свеча. Филентий — под ногами, путая следы.

Баюн встретил их молча. Взял обе фляги, вылил в медный таз. Жидкости не смешивались — золотая и чёрная, они танцевали, переплетались, отталкивались. Кот накрыл таз покрывалом, прошептал что-то на древнем языке, и ткань засветилась.

— Смотрите, — сказал Баюн. На покрывале проступила карта. Живая. Реки текли по настоящему, горы дымились крошечными облачками дыма, а на опушках бегали крошечные звери, точные копии лесных обитателей. Золотая нить тянулась от дуба к центру, к точке, где горел маленький огонёк.

— Вот ваша дорога, — сказал Баюн. — Идите туда. В полночь на полнолуние. Скажете: «Мы пришли по велению рода, по тропе, намотанной на веретено». Ну, а дальше — сами.

— А что там ждёт нас? — спросила Варвара.

Баюн посмотрел на неё долгим взглядом, полным древней мудрости и кошачьего лукавства.

— Там то, чего вы ищете. Каждый — своё. Кощей — камень. Ты, Варвара, — судьбу. Остальные — что-то в сердце найдут или потеряют.

Верт вздрогнул. Василья взяла его за руку, крепко, не отпуская. Баюн свернул покрывало, протянул Варваре.

— Храни, — сказал он. — Тебе вести. А теперь — отдыхайте. Завтра — в путь.

Путники переглянулись. Верт взял Василью за руку. Кощей неловко коснулся плеча Варвары. Филентий подошёл к Баюну, и два кота — старый и очень старый, серебряный и рыжий — глянули друг на друга понимающе.

— Бывай, — сказал Филентий.

— И вы не пропадите, — ответил Баюн. — Жениха воспитывай, потом сам приходи или его примылай.

— Пришло как уму разуму научу, — пообещал Филентий.

Под кронами дуба запела невидимая цепь. Путники двинулись прочь, а ветер донёс до них последние слова Учёного кота:

— Счастья вам и помните: дорога не кончается, пока хоть один кот знает, куда идти.

Лукоморье осталось позади. Впереди ждала карта, нарисованная на живом покрывале, и новые испытания. Варвара шла впереди, сжимая в руке клубок, подаренный Ядвигой. Он светился изнутри, показывая путь. Кощей шёл рядом, на расстоянии вытянутой руки. Молчали оба. Но тишина была не тяжёлой, а той, какой она бывает перед бурей — когда всё замирает в ожидании, и даже ветер не смеет дышать. Впереди, в глубине леса, уже разгорался огонь. Или не огонь — может судьба. Варвара чувствовала это спиной, но даже сквозь страх, делала новый шаг навстречу неизведанному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.